

ОБУЧЕНІЕ МОЛОДЫХЪ КАЗАКОВЪ ВЪ ДОНСКОМЪ ВОЙСКЪ.

Съ самаго появленія казаковъ на Дону, т. е. съ половины XVI столѣтія, и до конца 1863 года, имъ, въ мѣстахъ жительства, до времени выхода на полевую службу, не производилось почти никакого обученія. Только въ полку лейбъ-гвардіи Казачьемъ да въ донскихъ артиллерійскихъ батареяхъ постепенно вводилось регулярное ученье по уставамъ легкой кавалеріи и артиллеріи; въ лейбъ-гвардіи Атаманскомъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полку оно введено уже по причисленіи этого полка къ гвардейскому корпусу, передъ турецкою войною 1828 года, а въ Донскомъ учебномъ полку—со времени перваго его, въ 1839 году, сформированія.

Въ донскихъ полевыхъ полкахъ знакомство со служебными обязанностями и всѣ требуемыя познанія военнаго дѣла казаки пріобрѣтали на службѣ; до тѣхъ же поръ служебное приготвленіе и развитіе ихъ зависѣли нѣкоторымъ образомъ только отъ домашнихъ военныхъ игръ, которыя, какъ утверждали старики, въ старину существовали по станицамъ въ значительныхъ размѣрахъ, а потомъ, съ начала настоящаго столѣтія, стали ослабѣвать и наконецъ совершенно исчезли. Нынѣ о нихъ ничего уже и не слышно.

Данное въ 1835 году войску Донскому положеніе узаконило возстановленіе казачьихъ военныхъ игръ и обученіе въ станицахъ малолѣтковъ; но перваго невозможно уже было привести въ исполненіе, по нѣкоторымъ измѣнившимся въ домашнемъ быту казаковъ обстоятельствамъ, отчего добровольныя собранія молодежи на игры сдѣлались затруднительны; обученіе же мало-

лѣтковъ встрѣтило еще большія препятствія: во-первыхъ, не скоро составилось понятіе, чему нужно учить казаковъ; во-вторыхъ, негдѣ было найти инструкторовъ. Хотя войсковое начальство и распорядилось предоставить частное инструкторство отставнымъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ казакамъ изъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, которые собирали малолѣтковъ по станицамъ и хуторамъ, въ праздничные дни, показывали имъ сабельные приемы и приучали къ маршированію, но для донскихъ полевыхъ полковъ цотребно было не такое ограниченное воинское обученіе, и потому оно приносило имъ мало пользы.

До 1849 года для донскихъ полевыхъ полковъ не существовало никакого устава; не было даже командныхъ словъ. Нѣкоторые изъ ихъ командировъ, подражая регулярнымъ, начали командовать: „маршъ“, а для атаки: „маршъ-маршъ“; большая же часть командовали по старинному: „трогай“, или: „ну, съ Богомъ, пошелъ!“ Повернуть подъ направо или налѣво было весьма затруднительно; всякій полковой командиръ, отдавая объ этомъ приказаніе, долженъ былъ прежде растолковать, какъ его исполнить, а казаки посмышленѣе другихъ кричали на своихъ товарищей и толкали ихъ. Такое самоуправленіе, конечно, не могло обходиться безъ путаницы; но во время сраженія казаками распорядился, такъ сказать, самъ непріятель, потому что имъ нужно было сообразоваться съ его движеніями, а когда непріятель былъ опрокинутъ, то остановить казаковъ и возвратить на свое мѣсто не было уже никакой возможности: казаки гнали его до тѣхъ поръ, пока не встрѣчали на пути какого-либо непреодолимаго препятствія, и возвращались нерѣдко на другой, даже на третій день. Иногда же случалось, что въ такихъ погоняхъ они наскакивали на новыя непріятельскія силы или на нарочно-устроенную засаду: тогда казаки выпутывались изъ бѣды какъ сами знали.

Покойный наказный атаманъ, Максимъ Григорьевичъ Вла-совъ, назначенный въ эту должность въ 1836 году, вслѣдъ за введеніемъ въ дѣйствіе новаго войсковаго положенія, хотя и не имѣлъ понятія о регулярной службѣ, но, тѣмъ не менѣе, сознавалъ необходимость введенія и въ казачьихъ полкахъ какого-либо разумнаго порядка. При всемъ томъ, и этотъ заслуженный донецъ не вдругъ рѣшился на такую новую для Дона мѣру, зная, какъ строго соотечественники его хранятъ всѣ свои древніе обычаи и какъ дорожатъ они соблюденіемъ всякихъ,

хотя бы и обветшалыхъ, хотя бы даже бесполезныхъ книгъ, условій службы и домашнего казачьяго быта; введеніе же новыхъ порядковъ въ казачьемъ фронтѣ донцы считали тогда противнымъ одной изъ главнѣйшихъ своихъ привилегій, такъ какъ въ высочайшихъ грамотахъ неоднократно подтверждалось: „не нарушать древняго образа ихъ служенія, столь для отечества полезнаго и толикою славою покрытаго“.

Между тѣмъ какъ Власовъ осторожно шелъ къ признанной имъ необходимости преобразованія казачьяго фронта, нѣкоторые изъ донскихъ полковыхъ командировъ, особенно изъ служившихъ въ Польшѣ, начали сами собою постепенно вводить въ своихъ полкахъ первоначальные обороты, движенія и командныя слова, за что получали одобренія своего начальства и нерѣдко удостоивались даже высочайшихъ благоволеній. Казаки въ этихъ полкахъ принимали такія нововведенія не только безъ ропота, но даже съ удовольствіемъ, понимая преимущество выгодъ и отличій, доставляемыхъ лейбъ-гвардіи Казачьему и лейбъ-гвардіи Атаманскому полкамъ собственно отъ знанія ими регулярной службы.

Все это рѣшило атамана Власова поручить начальнику штаба своего, Хомутову, составить уставъ для донскихъ полковыхъ полковъ. Работа эта потребовала однакожъ многихъ соображеній, и потому протекло немало времени, пока уставъ былъ оконченъ: въ 1846 году онъ представленъ на высочайшее утвержденіе. Уставъ этотъ сообразованъ съ уставомъ общимъ легкокавалерійскимъ, но сравнительно съ нимъ сокращенъ и упрощенъ, да прибавлены къ нему разсыпныя атаки и лавы съ гикомъ, изстари употреблявшіяся казаками въ дѣлахъ съ неприятелемъ.

Атаманъ Власовъ, въ началѣ управленія своего, ходатайствовалъ объ учрежденіи въ Новочеркаскѣ Донскаго учебнаго казачьяго полка. Ходатайство это разрѣшено въ 1839 году, и сформированіе учебнаго полка тогда же исполнено. Немедленно приступлено было къ обученію казаковъ этого полка учебному шагу, что въ тогдашнее время, во всѣхъ регулярныхъ войскахъ, считалось дѣломъ первой важности; въ конномъ же строю, до изданія въ 1849 году собственно казачьяго устава, обучали по уставу регулярной кавалеріи.

Такимъ образомъ, учебный шагъ, эволюціи и построеніе колоннъ составляли за двадцать лѣтъ предъ симъ всѣ знанія

казацкой службы. Скоро распространилось мнѣніе, что для сообщенія этихъ знаній казацкимъ полкамъ необходимо держать ихъ въ неперемѣняющемся составѣ и устроить такъ, чтобы они могли постоянно заниматься ученіемъ, даже на Дону, въ мѣстахъ своего жительства. Мнѣніе это раздѣляли лучшіе полковые командиры и вся служащая донская молодежь. Оспаривало это мнѣніе только незначительное число донскихъ стариковъ: они смотрѣли на казацкую службу съ другой точки зрѣнія, утверждая, что одно регулярное образованіе для нея недостаточно; что для казака, по роду требованій его службы, болѣе всего нужно приобрѣтеніе сметливости и воинскихъ соображеній; что фронтное образованіе не только не послужитъ къ такому развитію казаковъ, но, заковывая ихъ въ тѣсныя формы и лишая свободы, можетъ заглушить даже эти способности; что, наконецъ, подчиняя казака постоянному надзору и отнимая у него драгоцѣнное время на частыя ученія, а слѣдовательно и на частыя вызовы изъ домовъ, можно разстроить домашнее благосостояніе его. Съ такимъ мнѣніемъ согласился впоследствии и атаманъ Власовъ, несмотря на то, что много заботился о введеніи лучшаго устройства въ донскихъ полевыхъ полкахъ.

Между тѣмъ, отъ начальства отдѣльнаго кавказскаго корпуса, въ которомъ постоянно служили тогда отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всего отсутствующаго съ Дона числа полковъ, послѣдовало представленіе объ учрежденіи для нихъ, на Кавказѣ, постоянныхъ полковыхъ штабовъ, съ тѣмъ, чтобы полки перемѣнялись не въ цѣломъ своемъ составѣ, но подивизионно. Представленіе это основано было на томъ, что природа Кавказа и его своеобразный непріятель требуютъ для успѣшнаго дѣйствія казаковъ ближайшаго знакомства съ краемъ. Проектъ кавказскаго начальства былъ однакожь принятъ атаманомъ Власовымъ весьма неблагоприятно; ту же неблагоприятность къ нему выразило и общественное мнѣніе всего Дона. Несмотря на то, кавказское начальство не переставало настаивать на своемъ мнѣніи, и, по смерти Власова, князь Воронцовъ успѣлъ наконецъ получить согласіе новаго донскаго наказнаго атамана, Хомутова, на проектъ свой, который потомъ, въ 1859 году, и удостоенъ высочайшаго утвержденія; но, по измѣнившимся уже тогда обстоятельствамъ на Кавказѣ и потомъ вслѣдствіе вспых-

нужнаго въ Польшѣ мятежа, предположеніе это до сихъ поръ не приведено въ исполненіе.

Среди этого времени въ занятіяхъ Донскаго учебнаго полка и въ самомъ его направленіи послѣдовали большія перемѣны. По утвержденіи, въ 1849 году, устава для казачьихъ полковъ, онъ немедленно былъ принятъ въ Донскомъ учебномъ полку вмѣсто устава регулярнаго, оставшагося, по прежнему, только въ полкахъ лейбъ-гвардіи Казачьемъ и Атаманскомъ; учебный шагъ отмѣненъ; обращено большое вниманіе на цѣльную стрѣльбу; введено спѣшиваніе казаковъ и разсыпныя дѣйствія стрѣлковъ; въ послѣдствіи времени въ учебномъ полку принято снабжаніе лошадей, рубка пашками, дѣйствіе пиками и, наконецъ, джигитовка. Ежегодно выпускаемые изъ этого полка казаки, даже служившіе въ немъ только одинъ годъ, поступаая на службу въ полевые полки, оказывались весьма полезными для обученія молодыхъ казаковъ; пробывшіе же въ учебномъ полку по два года являлись въ полевыхъ полкахъ лучшими урядниками и всегда содѣйствовали къ введенію въ этихъ полкахъ должнаго воинскаго порядка и къ ознакомленію ихъ съ современными требованіями казачьей службы.

Кромѣ показавшихся, такимъ образомъ, въ донскихъ полевыхъ полкахъ инструкторовъ изъ Донскаго учебнаго полка и начавшагося чрезъ нихъ во фронтѣ полевыхъ полковъ нѣкотораго воинскаго порядка, тогда же началось и среди жилищъ донскихъ казаковъ движеніе въ пользу улучшенія казачьяго фронта: тамъ, ежегодно, стали собирать находящихся на льготѣ казаковъ и малолѣтковъ на смотры, производимыя самими наказными атаманами, а въ отсутствіе ихъ изъ войска, или во время ихъ болѣзни, начальниками штаба. При атаманѣ Власовѣ казаки вызывались къ этимъ смотрамъ въ маѣ мѣсяцѣ, на одинъ какой-либо сборный пунктъ въ каждомъ округѣ. Атаманъ лично и подробно осматривалъ собравшихся казаковъ, ихъ лошадей, вооруженіе, обмундировку и потомъ производилъ нѣсколько казачьихъ маневровъ; но какъ тогда не существовало еще для казачьяго фронта устава, безъ котораго и невозможно было двигать по желанію нестройныя, но скоро собиравшіяся массы ихъ, то маневры представляли большею частію путаницу. Поэтому новый атаманъ, Хомутовъ, призналъ необходимымъ измѣнить самый порядокъ смотровъ и, дорожа немногимъ оставшимся у казаковъ отъ службы свобод-

нымъ временемъ, назначать смотры вмѣсто мая мѣсяца, весьма важнаго для всякаго хозяйства, осенью; въ исходѣ сентября и въ началѣ октября, когда прекращаются у казаковъ всѣ поспѣшныя работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ смотры назначались уже не въ одномъ мѣстѣ округа, а въ нѣсколькихъ, дабы столь возможно уменьшить разстояніе смотровыхъ пунктовъ для переѣзда къ нимъ казаковъ изъ домовъ своихъ и чрезъ то сократить время отсутствія ихъ отъ домашнихъ хозяйствъ. Вмѣсто маневровъ, атаманъ Хомутовъ ограничивался осмотромъ казаковъ и степенью исправности ихъ воинскаго снаряженія, да испытывалъ казаковъ въ конной и пѣшей стрѣльбѣ. Къ сожалѣнію, и смотры атамана Хомутова мало приносили существенной пользы, по невозможности отдѣлить на занятія ими достаточнаго времени.

Тогда мало по малу составилось на Дону общественное мнѣніе, что самая лучшая школа для пріобрѣтенія казачьихъ фронтальныхъ познаній есть полкъ, въ которомъ достанется ему очередная служба, а самое мѣсто служенія этого полка вѣрнѣе всего опредѣлить, какое именно развитіе отъ казака требуется. Въ послѣдніе же предъ симъ годы служба донцовъ вообще была весьма счастлива, вслѣдствіе особенной благосклонности къ нимъ главныхъ начальниковъ, какъ на примѣръ: фельдмаршаловъ Паскевича, Воронцова, Барятинскаго и генераловъ князя Меншикова, Лидерса, князя Бебутова, Врангеля и другихъ, а потому изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ служили донскіе полки, изъ Польши, Венгріи, съ береговъ Дуная, Чернаго и Азовскаго морей, съ Кавказа и изъ Закавказья, отовсюду приходили о нихъ на Донъ добрыя вѣсти. Войсковое начальство въ правѣ было заключать, что верховное правительство вполне довольно службою донскихъ казаковъ и что ежегодные смотры на Дону, а также снабженіе выходящихъ на службу полковъ приготовленными въ Донскомъ учебномъ полку инструкторами достигаютъ желаемой цѣли. Тогда войсковое начальство обратило все вниманіе свое на развитіе хозяйственнаго благосостоянія казаковъ и, принимая въ соображеніе долгую, двадцати-пятилѣтнюю службу ихъ, считало себя обязаннымъ предоставить казакамъ, въ ихъ домашнемъ быту, какъ можно болѣе свободы и спокойствія. Вотъ причина, почему въ послѣднія десять лѣтъ войсковое начальство почти перестало за-

ниматься обученіемъ молодыхъ казаковъ въ мѣстѣхъ ихъ жительства, въ станицахъ и хуторахъ.

Весною 1863 года, по случаю вспыхнувшего въ Польшѣ мятежа, вытребованы съ Дона въ западныя губерніи наши, экстренно и разомъ, двѣнадцать полковъ. Въ послѣдствіи, нѣкоторые изъ этихъ полковъ выступили безъ всякаго приготовленія и были наполнены, почти на половину, малолѣтками. На обученіе послѣднихъ въ походѣ имѣлось весьма мало времени, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ мѣстѣхъ полки перевозимы были по желѣзнымъ дорогамъ. Прибывъ на мѣста назначеннаго для нихъ служенія, полки тотчасъ же поступали въ дѣло и раскомандировывались по взволнованному краю мелкими партіями и командами. Черезъ это полковые и сотенные командиры лишены были всякой возможности заняться не только систематическимъ обученіемъ казаковъ, но даже и поверхностнымъ ознакомленіемъ ихъ съ фронтомъ. Между тѣмъ, отовсюду, гдѣ служили новые донскіе полки, высшее правительство начало получать свѣдѣнія, что большая часть ихъ пришла съ Дона въ крайней неисправности; что многіе офицеры обращаютъ на себя вниманіе незнаніемъ своего дѣла и даже ненадежнымъ поведеніемъ; что казаки, и особенно молодые, не умѣютъ стрѣлять, не умѣютъ и обращаться съ ружьями; что вообще оружіе у казаковъ дурнаго качества и неисправное, и, наконецъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ встрѣчаются даже казаки, плохо вѣдящіе верхомъ. Всѣ эти свѣдѣнія сообщены были войсковому начальству, съ высочайшимъ повеленіемъ: поспѣшить изысканіемъ мѣръ о лучшемъ, современномъ вооруженіи всего комплектнаго состава донскихъ казаковъ и объ обученіи молодыхъ казаковъ познаніямъ фронтовой и аванпостной службы еще до выхода ихъ съ полками на первую походную службу, особенно же цѣльной стрѣльбѣ, а также объ улучшеніи корпуса донскихъ офицеровъ во фронтовомъ и нравственномъ отношеніи. Такое непривычное для донцовъ высочайшее указаніе было для нихъ тѣмъ чувствительнѣе, что оно послѣдовало вскорѣ за дарованіемъ войску Донскому особой монаршей милости—значительнаго сокращенія для всѣхъ чиновъ его сроковъ обязательной полевой службы до 15 лѣтъ, а какъ сокращеніе службы въ то время не было еще распространено на прочія казачьи войска, то донцы считали, что царская милость эта пожалована имъ въ награду заслугъ от-

цовъ и дѣдовъ ихъ и въ увѣренности, что иныягнѣе поколѣнiе будетъ также неуклонно идти по стопамъ своихъ предковъ. Такимъ образомъ, неблагоприятныя отзывы ближайшихъ начальниковъ о состоянiи пришедшихъ съ Дона въ 1863 году полковъ и послѣдовавшее по нимъ высочайшее указанiе глубоко тронули все воинское населенiе Дона и возбудили въ немъ горячее желанiе доказать, что темерешнiе донскiе казаки тѣ же доблестные воины, какими были они въ прежнее время, и устранить заключенiе, что казаки новыхъ, еще недавно сложившихся, войскъ могутъ въ чемъ-либо превосходить донцовъ.

Прощу читателя дозволить мнѣ отступить нѣсколько отъ нити моего разсказа. Много разъ случалось мнѣ слышать мнѣнiе, что линейные казаки стали превосходить донскихъ. Двадцать лѣтъ назадъ тому я былъ походнымъ атаманомъ на Кавказѣ и имѣлъ случай близко ознакомиться съ тамошнюю службою, а потому и хочу высказать мое убѣжденiе, ругаясь, что оно будетъ безпристрастно и справедливо.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что линейные казаки сдѣлались вполне молодцами, дивными наѣздниками, джигитами. Эти качества приобрѣли они отъ сосѣдей своихъ, горскихъ народовъ; совершенно изучили образъ веденiя ими войны; ознакомившись съ окружающею ихъ мѣстностию и природою и усвоили хитрости и сноровки горцевъ такъ, что для войны на Кавказѣ сдѣлались незамѣнны. Донцы же, уступая линейнымъ въ наѣздничествѣ, джигитовкѣ и даже въ стрѣльбѣ, превышаютъ ихъ въ духѣ мужества, въ стойкости и самоотверженiи, что наследовано ими отъ своихъ предковъ и что составляетъ ихъ неоспоримую принадлежность. Со введенiемъ въ донскихъ полкахъ устава, донцы скоро познакомились съ оборотами и построениями и поэтому въ наружномъ видѣ своемъ представляютъ гораздо болѣе стройности; да и въ дѣлѣ съ непрiателемъ они способнѣе совершить дружный ударъ и исполнить какое-либо совокупное движенiе. Но чтобы вѣрно оцѣнить эти достоинства донцовъ, необходимо короткое знакомство съ ними, а въ такому знакомству донскiе полки имѣютъ мало случаевъ, по образу служенiя ихъ или въ разбивку на малыя команды, или на пограничныхъ и этапныхъ линiяхъ, или, наконецъ, и цѣлыми полками, но впереди, на аванпостахъ, куда рѣдко приходится заѣзжать влiятельнымъ лицамъ, тогда какъ всякое прiѣзжающее на Кавказъ новое лицо, особенно занимающее какое-либо выс-

шее мѣсто, какъ только увидитъ въ первый разъ линейныхъ казаковъ, тотчасъ же встрѣчаетъ ихъ летучую джигитовку. Они окружаютъ экипажъ новаго начальника, разсыпаются со стрѣльбою и на всемъ скаку стараются попасть въ цѣль; выдѣлываютъ разныя ловкія штуки наѣздничества: достаютъ съ лошади рукою землю и поднимаютъ разныя вещи, соскакиваютъ на всемъ карьерѣ съ лошадей и на всемъ же карьерѣ на нихъ садятся, мѣняются лошадьми съ товарищами, пересаживаются на нихъ, притворяются убитыми, тащась за лошадью и едва держась за нее, и вдругъ вскакиваютъ на сѣдло и стрѣляютъ. Такія одушевленные продѣлки линейцевъ приобрѣли имъ репутацію непримѣрныхъ молодцовъ и наѣздниковъ, и всякій, при разказахъ о нихъ, отдаетъ имъ въ этомъ отношеніи первенство передъ донцами.

Нѣкоторые походные атаманы и многіе изъ лучшихъ командировъ донскихъ полковъ старались вводить и въ нашихъ полкахъ джигитовку, не для того только, чтобы состязаться въ удалствѣ и молодечествѣ, но и въ другомъ, гораздо важнѣйшемъ, отношеніи. Джигитовка, или собственно стрѣльба въ цѣль съ лошади, имѣетъ въ службѣ казачьей гораздо полезнѣйшее примѣненіе, когда приходится имѣть съ непріателемъ перестрѣлку не слѣзая съ лошади. Конечно, въ настоящее время, спѣшиваніе доведено уже до такой ловкости и скорости, что не составляетъ особеннаго затрудненія, а перестрѣлка пѣшкомъ всячески вѣрнѣе и удобнѣе, нежели съ лошади; но бываетъ случаи, когда спѣшиваться некогда, на примѣръ во время прикрытія нашего отступленія, особенно если непріатель преслѣдуетъ жарко. Известно, что въ бою съ непріателемъ многіе роды войскъ могутъ всегда замѣнить казаковъ и исполнять дѣло свое иногда лучше ихъ: регулярная кавалерія дружнее совершитъ ударъ, перестрѣлка пѣхоты, конечно, дѣйствительнѣе; но въ прикрытіи отступленія противъ всякаго рода войскъ донскіе казаки незамѣнимы. Между казаками составилось убѣжденіе, что истинно-храбраго человѣка не тогда можно узнать, когда мы атакуемъ: въ ударѣ на непріателя общій порывъ одушевляетъ и увлекаетъ всякаго, даже труса вмѣстѣ съ храбрецомъ; но когда мы отступаемъ, тогда тотчасъ же ясно обозначатся и безтрепетное хладнокровіе и мужественное самоотверженіе. Этимъ казаки гордятся другъ передъ другомъ, и такая благородная гордость удерживаетъ ихъ отъ безпорядочнаго

Т. ХІІ. Отд. II. 6

бѣгства передъ непріятелемъ. Прикрывая ретирату, донцы дѣйствуютъ по большей части въ разсыпную, и тутъ храбрый казакъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ нанести вредъ непріятелю. Какая была бы для него выгода, если бы онъ пріучился ловко и безошибочно стрѣлять съ лошади: наживая неосторожнаго или слишкомъ разгоряченнаго непріятеля, онъ встрѣтилъ бы его вѣрною пулею и затѣмъ тотчасъ же имѣлъ бы возможность броситься съ пикою на другаго, ближайшаго врага. Но чтобы сдѣлать съ лошади вѣрный выстрѣлъ, прежде всего нужно освободить руки отъ поводьевъ: иначе, если поводья дергають и руки трясутся, пуля всегда полетитъ въ сторону. Линейцы для этого бросаютъ поводья и такъ пріучаютъ лошадей, чтобы онѣ, хотя на короткое время, могли управляться ногами или наклономъ корпуса. Къ этому линейцы пріучаются съ дѣтскихъ игръ своихъ, да и лошадей выѣзжаютъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. У насъ же, на Дону, какъ и прежде сказано мною, дѣтскія игры давно утратили свой военно-образовательный характеръ, а обученіе малолѣтковъ всегда было слабое и направленное совершенно въ другую сторону. Лошадь донской казакъ пріобрѣтаетъ по большей части только тогда, когда наряжается на службу и когда нѣтъ уже времени пріучить ее не только для ѣзды безъ поводьевъ, но иногда и къ знанію самыхъ поводьевъ. На службѣ, при всей попечительности и даже ревностной охотѣ полковаго командира, онъ, по растянутому и раздробленному положенію полка, находитъ мало удобства и времени заняться этимъ дѣломъ, требующимъ постояннаго упражненія. Если же, по его неотступной заботливости, и удастся ему образовать нѣсколько удалыхъ молодцовъ, то они, по возвращеніи на Донъ, остаются въ станичныхъ обществахъ мало-замѣченными, а впоследствии, особенно если попадутъ на службу въ другую сторону, гдѣ джигитовка не въ модѣ, вовсе забываютъ это съ такимъ трудомъ пріобрѣтенное искусство.

Надобно сказать, что для ловкой джигитовки донскихъ казаковъ составляетъ большую помѣху—пика. Какъ линейные казаки не имѣютъ пикъ, то на Кавказѣ и не питають къ нимъ слишкомъ большаго уваженія; даже многія изъ лицъ тамошняго начальства, при отправленіи донцовъ въ какую-либо экспедицію, приказывали имъ оставлять пики. Но походные донскіе атаманы и лучшіе изъ командировъ донскихъ полковъ, зная

пикѣ дѣну, особенно при ударѣ на непріятеля, не водили своихъ казаковъ безъ пикѣ. Споры изъ-за пикѣ нерѣдко доходили до главныхъ начальниковъ края, и въ послѣдствіи донцамъ строго запрещено оставлять пикѣ. Должно, однакожъ, сознаться, что нужна большая привычка въ обращеніи съ пикой, чтобы не терпѣть отъ нея неудобствъ при стрѣлянніи съ лошади. Теперь для этого привязываютъ къ срединѣ пикѣ балберку или небольшой шарикъ, который задѣваютъ за мундирный кушакъ. Донскіе казаки такъ привыкають къ пикѣ, что она нисколько не мѣшаетъ стрѣльбѣ, а въ наѣздничествѣ даетъ имъ даже средства выдѣлывать эффектные штуки, которыхъ линейцамъ недостаетъ, какъ, на примѣръ, фланкированіе пикой, что являетъ очень хорошій видъ, особенно, когда казаки свачуть, стоя на перекинутыхъ чрезъ сѣдло стремянахъ.

Возвращаюсь къ прерванному мною разсказу. Горестная вѣсть о сдѣланномъ замѣчаніи обожаемымъ государемъ получена была въ Новочеркасскѣ во время нахожденія тамъ собранныхъ, для выслушанія проекта основныхъ началъ новаго войскаго положенія, депутатовъ отъ дворянъ, мелкопомѣстныхъ чиновниковъ и казаковъ. Вѣсть эта глубоко поразила всѣхъ и сдѣлалась предметомъ всеобщихъ толковъ и сужденій. Избранные для такого важнаго дѣла, какъ устройство ихъ будущности, депутаты всѣ были изъ людей, уважаемыхъ въ своемъ кругу, болѣе другихъ развитые и разсудительные. Всѣ они сознали, что если донскіе казаки, ставшіе теперь первыми изъ всѣхъ казачьихъ войскъ по правамъ, не сдѣлаются первыми и по достоинству, то они могутъ утратить дарованныя имъ права; однакожъ всѣ депутаты не потеряли, къ счастью, надежды, что обученіе донскихъ казаковъ въ домахъ есть дѣло удобоисполнемое и, слѣдовательно, этою мѣрою можно все поправить и возстановить доброе мнѣніе о донцахъ.

Зная духъ своихъ соотчичей, усердіе къ службѣ государю и благородное честолюбіе, заставляющее ихъ такъ высоко цѣнить свое казачье званіе и такъ ревностно желать никогда не разставаться съ этимъ званіемъ, депутаты понимали, что трудно убѣдить донцовъ въ необходимости общихъ ихъ усилий—носить столь цѣнимое ими званіе съ честію и славою. А чего донцы пожелаютъ отъ искренняго сердца, то будетъ исполнено ими непременно, какія бы ни предстояли трудности.

Депутаты, по окончаніи предложенныхъ имъ занятій, воз-

вратились къ концу года въ свои станицы и передали своимъ обществамъ живой, но горькій разсказъ о всемъ слышанномъ въ Новочеркасскѣ. Вѣсть о высочайшемъ замѣчаніи относительно упадка исконнаго молодечества въ донскихъ полкахъ какъ громомъ сразила все казачье народонаселеніе; но больше всѣхъ убиты были этою вѣстію немногіе, оставшіеся на семь свѣтъ старики, сподвижники платовскіе. Почтенные старцы, полные воспоминаній о своей минувшей славѣ, не понимали, какимъ образомъ дѣти и внуки ихъ могли уступить право первенства какимъ-нибудь линейцамъ, о которыхъ въ славный двѣнадцатый годъ никто и не слышалъ, а тогдашніе донцы считались первыми удалцами на бранномъ полѣ.

Какъ всѣ важныя дѣла въ донскихъ станицахъ обсуживаются на станичныхъ сборахъ, то и привезенныя изъ Новочеркасска грустныя новости составили главный предметъ толковъ и разговоровъ во всѣхъ станичныхъ кружкахъ. И дряхлые старцы, и выпешдшіе недавно въ отставку домохозяева, и въ первый разъ явившіеся на общественный сборъ юноши приняли вопросъ этотъ близко къ сердцу и единодушно положили, что надобно употребить всѣ усилія для возстановленія доброй славы о воинскихъ доблестяхъ донцовъ.

При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія и духа въ станицахъ, получено было распоряженіе войсковаго начальства о нарядѣ въ каждомъ округѣ казаковъ въ три полка и объ обученіи наряженныхъ казаковъ наѣздничеству и стрѣльбѣ во всѣ воскресные и праздничные дни, избравъ для этихъ занятій инструкторами хорошо знающихъ службу урядниковъ и приказныхъ, преимущественно изъ служившихъ въ учебномъ полку.

Извѣстно, что когда мы принимаемся за дѣло съ охотою и съ усерднымъ желаніемъ непременно исполнить то, что отъ насъ требуется, то гораздо легче и гораздо скорѣе достигаемъ указанной цѣли. Такъ и теперь: всѣ донцы, глубоко уязвленные въ самыхъ завѣтныхъ убѣжденіяхъ относительно превосходства своего въ военномъ дѣлѣ предъ всѣми прочими казачьими войсками и трепеща при единой мысли о возможности утратить хотя на малѣйшую долю благосклонное о нихъ мнѣніе обожаемаго монарха, взыскавшаго ихъ многими милостями, дружно и единодушно принялись за дѣло. Никто не дождался повѣстки выходить на ученье (о принужденіи, о страхѣ наказанія и помину не было); каждый стремился всѣми

своими способностями понять и изучить, что отъ него требуется. Молодые казаки обратили прежде всего вниманіе свое на ружья и спѣшили ознакомиться съ ними получше, чтобы заняться цѣльною стрѣльбою; стали также разспрашивать у товарищей, болѣе опытныхъ въ наѣздничествѣ и стрѣльбѣ, какъ приобрести необходимыя для того и другаго снаряженіе и ловкость; преимущественно же занялись они, объѣздомъ лошадей своихъ, такъ какъ отъ поворотливости и понятливости лошади зависитъ весьма многое въ стрѣльбѣ на скаку. Мало по малу, одинъ послѣ другаго, казаки стали смѣло скакать къ цѣли, ловко схватывать изъ-за спины ружье, прицѣлываться и стрѣлять. Затѣмъ надобно было заняться освобожденіемъ рукъ, бросаемихъ поводьевъ и скачкою безъ нихъ. Здѣсь встрѣчены были немалыя затрудненія, потому что немногія лошади оказывались на столько покорны и понятны, чтобы можно было управлять ими наклоненіемъ корпуса или движеніемъ ногъ. Но и эта трудность постепенно стала преодолеваться. Въ нѣкоторыхъ округахъ казаки вывадись, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, посвятить ученью и масленицу и свѣтлую недѣлю; а къ началу весны нынѣшняго года большая часть казаковъ и даже многіе малолѣтки успѣли уже выучиться скакать и стрѣлять, бросая поводья.

Между тѣмъ, по представленію войсковаго начальства, высочайше разрѣшено: собрать, въ теченіе мая, всѣхъ малолѣтковъ, какъ вошедшихъ уже въ нарядъ трехъ полковъ, такъ и остающихся затѣмъ готовыми къ службѣ (кромѣ присягнувшихъ только въ настоящемъ году, которымъ предоставлена годовая льгота для приготовления себя всѣмъ потребнымъ къ походу) избрать для этого сбора, въ каждомъ округѣ, по три пункта, на которые вывести малолѣтковъ, живущихъ въ ближайшихъ къ каждому пункту станицахъ; назначить въ каждой станицѣ, изъ урядниковъ и приказныхъ, бывшихъ въ Донскомъ учебномъ полку, инструкторовъ, въ малыхъ станицахъ по одному, а въ большихъ по два и болѣе, сколько потребуется по числу жителей станицъ (напримѣръ, въ Михайловской, гдѣ жителей мужескаго пола 6,000 человекъ, назначено шесть инструкторовъ). Къ каждому пункту назначить хорошо знающаго службу особаго офицера, которому подчинить какъ инструкторовъ, такъ и обучаемыхъ ими казаковъ. Эти послѣдніе должны запастись собственнымъ своимъ провіантомъ, за который по-

тогда получать изъ войсковыхъ суммъ деньги по справочнымъ книжкамъ. Лошадей своихъ они должны довольствовать подножнымъ кормомъ, объ отводѣ для котораго удобныхъ пастбищныхъ мѣстъ сдѣлано условіе съ ближайшими станицами, при чемъ офицерамъ положено годовое, по чинамъ ихъ, жалованье; инструкторамъ назначено по 1 руб. сер. за каждаго хорошо обученнаго казака, а самимъ казакамъ, которые окажутъ особенную ловкость и молодечество, обѣщаны подарки оружіемъ, сѣдлами и деньгами. Главнымъ предметомъ обученія назначены стрѣльба въ цѣль, джигитовка и наѣздничество (*).

Духъ горячаго соревнованія, съ какимъ началось обученіе въ станицахъ, принесли съ собою казаки и на сборныя мѣста. Молодежь наша, одинъ передъ другимъ, старалась отличатся въ стрѣльбѣ, джигитовкѣ и наѣздничествѣ; въ послѣднемъ упражненіи она не падала даже костей своихъ: много было случаевъ перелома ключицъ, вывихнутыхъ членовъ и убитыхъ лошадей; отъ смерти же казаковъ Богъ сохранилъ. Нужно было уговаривать всѣхъ учащихъ казаковъ быть осторожнѣе и не браться за такія продѣлки, въ которыхъ они не могли ручаться за себя или за лошадь свою; но, забывая опасность, каждый думалъ о томъ только, какъ бы перещеголять товарища. Оружное начальство находило возможнымъ занимать казаковъ пѣшимъ фронтомъ и коннымъ строемъ, но удостовѣрилось, что объ этихъ предметахъ ему нечего беспокоиться. Казаки, при своемъ гимнастическомъ развитіи и нравственномъ настроеніи, тотчасъ все понимали и отчетливо исполняли всѣ правила пѣшей регулярной службы, хорошо держали фронтъ, чисто равнялись, правильно ходили и ловко дѣлали сабельные приемы; къ конному же строю оказывали даже особенное пристрастіе. Послѣ одного ученія пѣшаго по конному и одной репетиціи (разумѣется, при надлежащемъ и толковомъ объясненіи), они исполняли положенныя для казачьихъ полковъ построенія почти

(* Стрѣльба въ цѣль, пѣшая, не требуетъ объясненія; значеніе слова: „джигитовка“ я объяснилъ выше; подъ словомъ же: „наѣздничество“ у насъ разумѣютъ выдѣлываніе на лошади разныхъ молодецкихъ штукъ, какъ-то: 1) доставаніе съ сѣдла рукою земли и подыманіе разныхъ вещей; 2) скачку на лошади стоя и при этомъ „лавированіе“ пикою; 3) перескакиваніе на всемъ карьерѣ съ одной лошади на другую; 4) соскакиваніе, также на всемъ карьерѣ, съ лошади и вскакиваніе на нее снова; 5) умѣнье показаться убитымъ и тащиться за лошадью, а потомъ быстро и неожиданно вскочить на нее. Есть и еще нѣсколько другихъ акробатическихъ продѣлокъ; но какъ онѣ бывають очень рѣдки, то и не объясняются здѣсь.

безъ ошибокъ и даже правильно понимали всѣ движенія, хотя сотнями командовали урядники и приказные. Грамотные казаки безпрестанно читали уставъ казачьей службы и объясняли его юнымъ своимъ товарищамъ, а послѣдніе слушали съ большимъ любопытствомъ и внимательностію. Прочими же преподававшимися въ Донскомъ учебномъ полку предметами военныхъ упражненій, какъ-то: пашечною рубкою и приемами пики, на майскихъ сборныхъ пунктахъ казаки не занимались; однакожь опытъ, сдѣланный однимъ изъ завѣдывающихъ инструкторами офицеромъ, удостовѣряетъ, что и въ этомъ дѣлѣ затрудненія не будетъ. Лишь только объявится, что то или другое установленное или вводимое упражненіе должно быть изучено малолѣтками, конечно, исполнится немедленно же.

Въ джигитовкѣ, какъ въ главномъ предметѣ, на который обращено было большее вниманіе, казаки приобрѣли значительные успѣхи. Почти всѣ приучились скакать и стрѣлять не управляя лошадыю посредствомъ поводьевъ. Конечно, это только начало настоящей джигитовки. Еще много нужно упражненія, чтобы приобрѣсти твердость руки, быстроту и вѣрность глаза, безъ чего стрѣльба въ цѣль, особенно съ лошади, немислима. Покрайней мѣрѣ преодолѣна главная трудность: умѣнемъ бросать поводья освобождены руки, и имъ не угрожаетъ уже дрожаніе, неизбежное отъ напряженія при управленіи лошадыю поводьями.

Но чтобы въ этомъ случаѣ достигъ возможнаго совершенства, нужно развить въ казакахъ любовь къ охотѣ за звѣремъ и птицею и поощрить это благородное и вполне воинственное занятіе. Для этого надобно не скупиться на порохъ и заинтересовать казачью молодежь поощреніемъ лучшихъ стрѣлковъ наградами, а также положить какую-либо плату за каждую застрѣленную съ лошади птицу или звѣря.

Нельзя однакожь не сознаться, что доселѣ, при обученіи на сборныхъ пунктахъ, лучшіе успѣхи оказаны только въ джигитовкѣ; прочія же свѣдѣнія по части казачьей службы и все ихъ развитіе приобрѣтены, такъ сказать, лишь въ первоначальномъ видѣ. Не должно отнюдь останавливаться на этомъ, а стремиться дальше и дальше къ совершенству. Первымъ дѣломъ для достиженія этого должно быть сохраненіе между казаками того настроенія духа и того горячаго рвенія, которыя такъ благотворно проявились у нихъ и которыя, перенесенныя

во всё казачьи полки, поведутъ къ совершенію дѣлъ трудныхъ, кажущихся иногда даже невозможными. Надобно употребить все стараніе, чтобы казаки не утратили проявленія пламеннаго соревнованія, съ которымъ теперь малолѣтки стараются превосходить другъ друга. Надобно стараться, чтобы всѣ указанные нынѣ занятія имъ не надоѣли, а, напротивъ, представлялись бы болѣе и болѣе въ привлекательномъ видѣ, для чего и необходимо со стороны войсковаго начальства дѣлать какія-либо поощренія особенно отличающимся и даже оказывать имъ нѣкоторыя преимущества по службѣ, при чемъ необходимо внушать и завѣдывающимъ инструкторами офицерамъ, чтобы они старались пріобрѣсти расположеніе къ себѣ подчиненныхъ. Въ военномъ дѣлѣ много значить слово любимаго начальника; офицера же, который не умѣетъ заслужить привязанности къ себѣ казаковъ, я считаю вообще бесполезнымъ для службы, а въ настоящемъ случаѣ, т. е. въ дѣлѣ образованія казаковъ, даже вреднымъ и подлежащимъ немедленной смѣнѣ.

Въ заключеніе скажу, что необходимо также уважать и домашнія, хозяйственныя нужды казаковъ. Хотя сборъ на указанные нынѣ ученья и не можетъ отрывать ихъ отъ хозяйства на продолжительное время, но часто и одинъ день весьма дорогъ въ хозяйствѣ казака. Обращать вниманіе на просьбы казаковъ въ этомъ отношеніи считаю одною изъ лучшихъ дорогъ къ укрѣпленію сердечнаго союза между начальствомъ и подчиненными. Утверждаю даже, по долговременному опыту моему, что казаки въ такихъ обстоятельствахъ весьма рѣдко способны на обманъ и на употребленіе во зло оказаннаго имъ снисхожденія. Право, они болѣе заслуживаютъ довѣрія, нежели какъ нѣкоторые думаютъ о нихъ. Въ настоящемъ же случаѣ всякое снисхожденіе къ крайнимъ домашнимъ нуждамъ казака усугубить усердіе не только просителя, который возвратится къ упражненіямъ своимъ съ новымъ прилежаніемъ, но будетъ одушевлять большею ревностію и его товарищей.

Теперь позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. При сборѣ казаковъ на ученья въ маѣ мѣсяцѣ, необходимо было вызывать не однихъ малолѣтковъ, но всѣхъ вообще очередныхъ казаковъ, вошедшихъ въ составъ наряда: во-первыхъ, между ними есть много молодцовъ, которые не только не уступаютъ ринструкторамъ, но даже и превосходятъ иныхъ изъ нихъ; а

какъ все ученіе основано было на развитіи соревнованія, то оно было бы еще успѣшнѣе, потому что эти молодцы служили бы примѣромъ и поджигали бы молодежь; притомъ же малолѣтки, связанные родствомъ или дружбою съ такими казаками, скорѣе обратились бы за наставленіями къ нимъ, нежели къ человѣку далекому и постороннему. Во-вторыхъ, рядомъ съ отличными молодцами изъ вошедшихъ въ нарядъ служилыхъ казаковъ, есть много плохихъ и мало-развитыхъ казаковъ, служившихъ въ такихъ полкахъ, полковое начальство которыхъ не имѣло или возможности, или доброй воли и охоты заниматься ихъ обученіемъ; такихъ казаковъ не мѣшало бы поучить вмѣстѣ съ малолѣтками, тѣмъ болѣе, что они всѣ довольно еще молоды. Въ-третьихъ, многіе изъ малолѣтковъ, обучавшихся въ теченіе мая, сдѣлались такими молодцами, что, поступивъ въ полкъ, могутъ взять сами первенство передъ старшими ихъ по службѣ; а званіе стараго казака, если оно не замазано какимъ-либо дурнымъ поведеніемъ, въ донскихъ полкахъ считается достоинствомъ.

Также весьма полезно было бы собирать на майскія ученія штабъ и оберъ-офицеровъ, долженствующихъ поступать въ полки, чтобы отличнѣйшіе изъ нихъ имѣли возможность показать себя предъ войсковымъ начальствомъ, а слабѣйшіе пріобрѣсти необходимыя для службы свѣдѣнія. А какъ въ числѣ предметовъ высочайшаго замѣчанія о неисправностяхъ вышедшихъ съ Дона въ 1863 году полковъ заключаются, между прочимъ, и неблагопріятные отзывы ближайшихъ начальниковъ о нѣкоторыхъ изъ служащихъ въ донскихъ полкахъ офицерахъ, то, полагая, что къ такимъ отзывамъ послужилъ поводомъ недостатокъ образованія этихъ офицеровъ, считаю необходимымъ, посвятить столь важному предмету особенную статью, въ которой будетъ разсмотрѣно настоящее состояніе военной образованности въ войскѣ Донскомъ.

И. К.